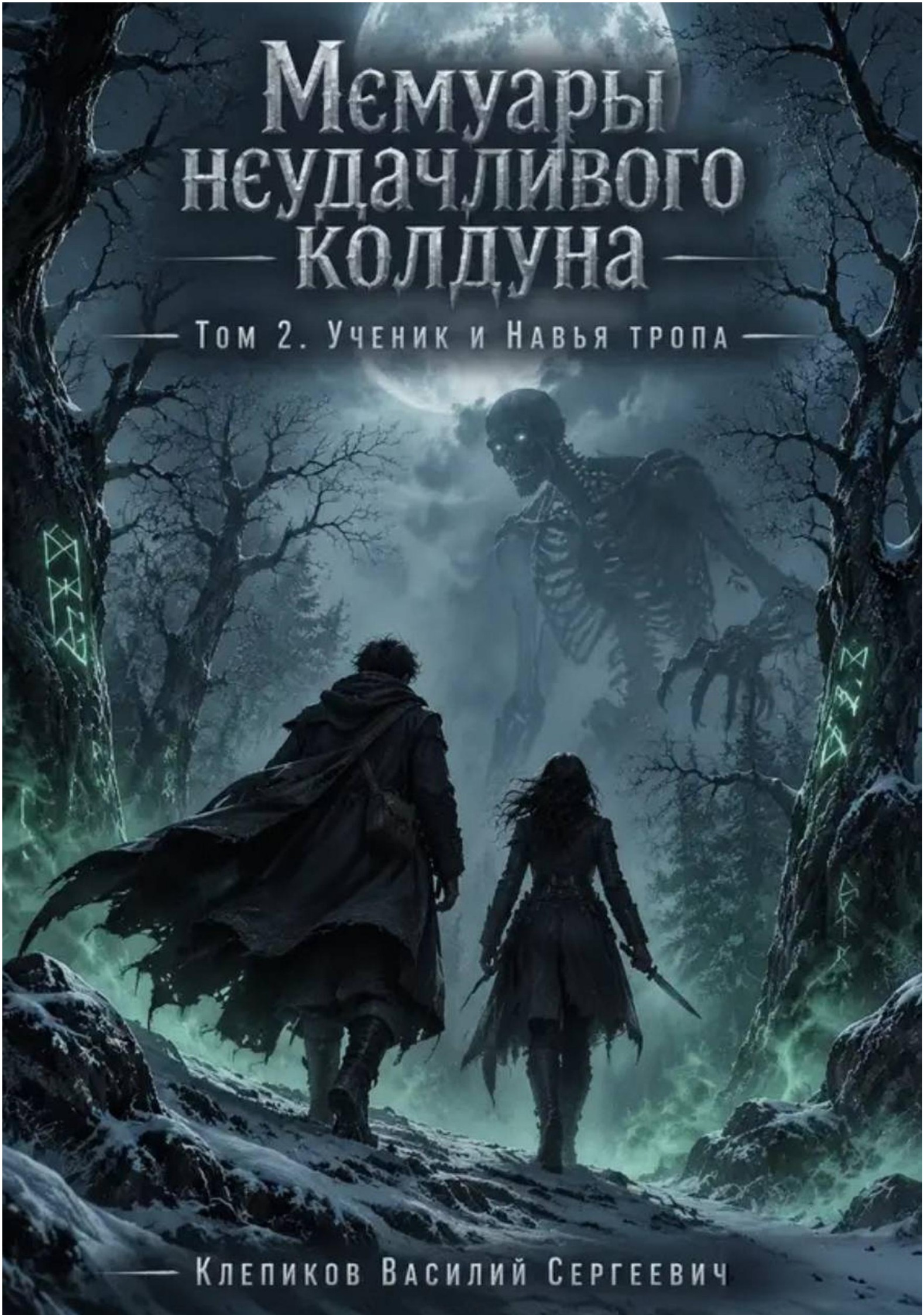

Мемуары неудачливого колдуна
Том 2. Ученик и Навья тропа
Клепиков Василий Сергеевич

Клепиков Василий

Мемуары неудачливого колдуна. Том 2. Ученик и Навья тропа

«Автор»
2026

Василий К. С.

Мемуары неудачливого колдуна. Том 2. Ученик и Навья тропа / К. С. Василий — «Автор», 2026

Микула — неудачливый колдун, ученик Могута, так и не ставший мастером. Но его сила не в заклинаниях, а в том, что он до сих пор жив. Ночница пьёт его воспоминания, костяная фигурка в кармане греется, как живая, а отражение в ручье улыбается чужими губами. Он уже не принадлежит себе — но всё ещё идёт вперёд.Рядом с ним — Юбава, женщина с ножом и шрамом на плече, которая однажды назвала его собакой и предала. Теперь она идёт следом, потому что ей некуда возвращаться. Между ними четыре шага и тишина, в которой слишком много недосказанного.Лес болен. Снег пахнет падалью. Древние берегини выходят из-под земли, а Навья тропа ведёт туда, где живые не должны бывать. Микула знает: скоро он забудет даже это. Но пока помнит — он рассказывает истории. О цене огня. О мальчике по имени Ждан. О том, что мёртвая вода не холодит — она голодна.Тёмное славянское фэнтези о памяти, вине и о том, как трудно остаться собой, когда тебя уже почти съели.

© Василий К. С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Холодное перемирие 7
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Клепиков Василий
Мемуары неудачливого колдуна. Том 2. Ученик и Навья тропа

Пролог

Волчий вой распорол тишину, как гнилую ткань.

Он пришёл не из леса — из-под земли, из-за края света, из того места, где воздух становится жидким и холодным, как вода в могиле. Он был низким, почти утробным, и чем дольше он звучал, тем сильнее сжималось сердце. Не страх — хуже. Ощущение, что кто-то только что произнёс твоё имя. И теперь ждёт ответа.

Микула открыл глаза.

Костёр догорел. Угли ещё тлели, но тепла от них не было — только серый пепел и сладковатый запах горелой хвои. Он лежал на боку, подложив котомку под голову. В четырёх шагах, у ручья, спала Юбава. Её дыхание было тихим, но неровным — как будто ей тоже что-то мешало.

Вой оборвался. Тишина сомкнулась, но стала другой — плотной, как вата. Даже ручей, казалось, затих.

Микула попытался пошевелиться. И не смог.

Тяжесть. Она пришла не сразу. Сначала — холод, поднимающийся от земли, пробирающийся сквозь плащ, сквозь рубаху, сквозь кожу. Потом — давление на грудь, как будто кто-то сел сверху. Невидимый. Беззвучный. Ледяные пальцы коснулись горла.

Он хотел закричать. Рот открылся, но звука не вышло — только слабый хрип. Воздух стал густым, вязким, как кисель. Он чувствовал запах: мокрая земля, старые перья, что-то сладкое, тошнотворное, как мёд, который начал бродить.

Ночница.

Она была невидимой, но он знал — она здесь. Она сидела на его груди и дышала ему в лицо. Её дыхание было ледяным, но почему-то влажным. Она высасывала из него воздух, тепло, жизнь. А вместе с ними — память.

Что-то уходило. Он чувствовал это — не боль, а пустоту. Как будто кто-то залез в голову и выдернул нить из полотна. Он пытался ухватить воспоминание, но оно ускользало. Что-то важное. Что-то, что было с ним весь день. Что-то, что она сказала? Или он сказал ей? Пустота.

Волчий вой зазвучал снова — на этот раз ближе.

Ночница исчезла. Тяжесть пропала, холод отступил. Микула дёрнулся, сел, хватая ртом воздух. Сердце колотилось где-то у горла. Руки дрожали. Он огляделся — никого. Только лес, ручей, спящая Юбава.

Приснилось?

Он провёл языком по зубам, пытаясь вспомнить, что потерял. Вкус. Запах. Слово. Что-то было — и исчезло. Как будто выпал зуб. Как будто вырезали кусок из головы и зашили обратно.

Вставай.

Он поднялся. Ноги держали, но колени подрагивали. Подошёл к ручью, опустился на корточки. Зачерпнул воду — ледяную, обжигающую. Плеснул в лицо.

И увидел своё отражение.

Оно не двигалось.

Микула замер. Вода в ручье текла медленно, но всё же текла. Отражение должно было дрожать, искажаться. Но оно стояло неподвижно. И смотрело на него.

А потом отражение улыбнулось.

Микула не улыбался. Он чувствовал свои губы — сухие, сжатые. Но в воде его лицо растянулось в улыбке — медленной, широкой, чужой. Шрам на губе дрогнул, превратившись в оскал. Глаза — серые, усталые — вдруг изменились. В самой их глубине зажёгся янтарный огонёк. Точно такой же, как у фигурки.

— Ты ещё не знаешь, — сказало отражение его голосом. — Но ты уже мой.

Микула ударил по воде ладонью. Брызги разлетелись, исказив отражение. Когда вода успокоилась, из ручья глядел он сам — обычный, со шрамом, с красными от недосыпа глазами.

Никакой улыбки.

Никакого огонька.

— Что ты? — прошептал он. — Что тебе нужно?

Ответа не было. Только тишина. И далёкий вой, затихающий где-то за холмами.

Он поднялся. Оглянулся на Юбаву. Она всё так же лежала на боку, спиной к нему. Плащ сбился, обнажая плечо. В руке — нож. Она сжимала его даже во сне, и костяшки пальцев побелели.

Микула смотрел на неё — и не знал, что чувствует. Она предала его. Она назвала его собакой. Она могла бы убить его. Но она пошла за ним. И теперь спит рядом, сжимая нож, которым однажды уже ударила его в плечо.

Он вернулся к костру. Сел на землю. Фигурка в кармане была тёплой. Не горячей — просто тёплой. Как будто она слушала.

Как будто она ждала.

Вой затих. Ночь снова стала тихой. Но теперь в этой тишине было что-то новое. Ожидание. Предвкушение.

Микула подбросил веток в угли. Пламя вспыхнуло, осветив поляну, ручей, спящую женщину с ножом в руке. Он смотрел в огонь, и огонь смотрел в него.

В кармане пульсировала фигурка.

— Ты уже мой, — прошептала она. Или ему показалось. Или это был просто ветер.

Но ветра не было.

Глава 1. Холодное перемирие

Снег пах падалью.

Я заметил это не сразу. Сначала — просто холод, пробирающий до костей, и ветер, от которого слезились глаза. Но потом, когда мы спустились в низину, где снег лежал нетронутым — белым, пушистым, почти красивым, — я почувствовал его. Сладковатый, тошнотворный запах, который шёл не от снега, а из-под него. Из-под земли. Из нор. Из того, что осталось от мелких зверей, не переживших зиму.

Юбава шла впереди. Снег под её ногами почти не скрипел — она ступала легко, как зверь, привыкший охотиться. Я смотрел на её спину, на худые плечи, на левую руку, которая висела неестественно прямо. Она до сих пор не могла ею нормально двигать. Может, уже никогда не сможет.

Четыре шага между нами. Как четыре года в Погосте, которые она прожила до меня. Как четыре дня, которые я пролежал в её избе после капища. Как четыре слова, которые она сказала старейшине: «Он и есть собака».

Четыре шага.

Я повторял про себя эти слова — не чтобы мучить себя, а чтобы запомнить. Теперь это было важно. Ночница жрала мои воспоминания, и я не знал, что исчезнет завтра. Может, лицо матери. Может, вкус каши с можжевельником. Может, голос Юбавы, который пел у костра в ту ночь, когда я впервые ей поверил. Я уже не помнил, как звучал этот голос. Только то, что он был. И то, что она пела.

Поэтому я запоминал всё подряд. Как она хмурится, когда ветер бросает снег в лицо. Как поправляет нож на поясе — машинально, даже не глядя. Как утром она ест хлеб, отламывая маленькие кусочки и долго жуя, прежде чем проглотить. Мелочи. Крохи. Но из них состояла жизнь — та, которую я ещё помнил.

Лес вокруг был болен. Я не сразу понял это, но к полудню сомнений не осталось. Деревья стояли голые, но не по-зимнему — их кора была покрыта серым налётом, похожим на плесень. Ветки не просто скрипели — они двигались, даже когда ветра не было. Медленно, как пальцы старика, перебирающего чётки. Из-под снега то и дело выступали проплешины — чёрная, влажная земля, которая пахла не прелыми листьями, а чем-то худшим. Гнилью. Болотом. Смертью.

На одном из привалов я заметил, что на стволе сосны вырезана руна. Старая, почти заросшая корой. «Живила». Та самая, что была на детях в Погосте. Я не сказал об этом Юбаве. Просто пошёл дальше. Но спиной чувствовал: руна смотрит на меня.

Ветка хрустнула слева. Я резко обернулся — ничего. Только снег осыпался с еловой лапы. Но звук был не случайным. Слишком ритмичным. Слишком похожим на шаги.

— Ты слышала? — спросил я.

Юбава не ответила. Она смотрела вперёд, и её рука уже лежала на рукояти ножа. Я понял: слышала. И не хочет об этом говорить.

Мы шли дальше. Лес становился гуще, темнее. Ветки смыкались над головой, и небо исчезало за ними — серое, низкое, тяжёлое. Снег здесь был глубже, идти становилось труднее. Я несколько раз спотыкался о скрытые под снегом корни. Юбава — ни разу.

В одном месте я заметил следы. Не человеческие, не звериные. Три пальца, длинные когти, глубокая борозда от хвоста. Они вели в овраг и там исчезали, будто тварь ушла под землю. Я остановился. Юбава тоже. Мы стояли и смотрели на эти следы, и между нами повисла тишина — тяжёлая, как мокрое одеяло.

— Это не Ищущие, — сказал я.

— Знаю.

— И не зверь.

— Знаю.

Она пошла дальше. Я — за ней. Четыре шага. Я не спрашивал, что она думает. Она не говорила. Но по тому, как напряглись её плечи, я понял: ей страшно. И от этого стало ещё страшнее мне.

Мы остановились на привал через час. Юбава села на поваленный ствол, вытянула ноги. Я достал нож и принялся точить — просто чтобы занять руки. Скрежет металла о камень наполнял тишину. Я смотрел на лезвие и вдруг увидел в нём своё отражение — крошечное, искажённое. Оно не улыбалось, как тогда в ручье. Но что-то в нём было не так. Что-то в глазах. Я отвёл взгляд.

— Расскажи что-нибудь, — сказала она вдруг.

Я удивился. Она почти никогда не просила говорить.

— Что?

— Что угодно. Как жил у Могута. Чему учился. Что видел.

Я помолчал. Потом начал — медленно, подбирая слова. Не для неё — для себя. Чтобы сохранить. Чтобы зафиксировать воспоминание, пока ночница не добралась до него.

— Он учил меня чертить руны. Первая была «Огонь». Я был горд — думал, что стал сильнее. А потом он показал мне цену. Принёс кролика. Живого. Сказал: «Плати». Я не понял. Тогда он взял мою руку, провёл ею по руне — и кролик вспыхнул. Жар ушёл из меня в него, и он сгорел за секунду. Шерсть вспыхнула, как сухой мох. Я запомнил запах. Горелой шерсти. И глаза — они лопнули, и из них потекла прозрачная жидкость. Он визжал. Всего секунду. Но я до сих пор слышу этот визг.

Юбава молчала. Я продолжал.

— У Могута были другие ученики. До меня. Я находил их вещи в подполе. Башмак. Пояс. Детский рисунок на бересте — солнце и дерево. Я спросил у него, где они. Он сказал: «Не выдержали». Я не спрашивал больше. Но иногда, по ночам, я слышал из-под пола голоса. Они звали меня по имени. Сначала я думал — снится. Теперь знаю: не снилось.

— Почему ты не ушёл? — спросила Юбава.

— Куда? Мне было двенадцать. Я не помнил матери. Не помнил, откуда я. Могут был единственным, кто у меня был. И он учил меня. Давал еду. Говорил, что я особенный.

— Ты и есть особенный.

— Я — сосуд.

Она посмотрела на меня. В её глазах что-то дрогнуло — может, понимание. Может, жалость. А может, просто усталость.

— У тебя есть ещё истории? — спросила она.

— Много. Одна хуже другой.

— Расскажи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.